

САТУРНИЙСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Былые Мудрецы, что так достойны зваться,
Все утверждали — в чем досель
не разобраться, —
Что в небе — благ и бед сияют письмена,
Что каждая душа звезде подчинена.
(То объяснение загадки полуночной
Смешило многих, но порою смех досрочный
Бывает более обманчив и смешон.)
И те, кто под лучом САТУРНА был рожден,
Светила рыжего, что любо некромантам,
Отмечены меж всех, по древним фолиантам,
Печатью Желчности и веяньем Беды.
Воображенья их (бесплодные сады!)
Усилия разума к нулю немедля сводит;
В их бледных жилах кровь летучим ядом бродит,
Как лава жгучая беснуясь и бурля, —
Их скорбный Идеал мертвя и пепеля!
Так Сатурнисты все должны, в мечте о чуде,
Страдать и умирать (коль вправду
смертны люди):
Их жизнь до черточки расчерчена у всех
Холодной логикой Влияний злобных тех.

ПРОЛОГ

В те дни заветные, в том лимбе первозданном,
Где сыновья Рагху, в убранстве несказанном
Над Гангом воцарясь, блистали красотой
И славой и своей смущали чистотой
Всех демонов, богов и бхагават блаженных,
К Нирване устремясь в дерзаниях смиренных,
Чисты и юны были море, небеса,
Земля, и в воздухе искрился, как роса,
Свет золотой, в те дни смиряли бег строптивый
И ветер, и волна, и умолкали нивы,
Когда, остановив упрямых стай полет,
Певцы святыя прославляли воевод.
Лишь в эти дни земля, и небо, и пучина
Видали, как в поту сурового почина,
Винясь в кровавых злодеяниях своих,
Владыки падали к стопам певцов святых!
И связан был родством таинственным и прочным
Бесстрастный кшатрия с поэтом непорочным,
Вальмики божий дар и Рама божий гром —
Две падмы, что сплелись друг с другом над прудом.

— Потом, под небом золотым Эллады вечной,
От Спарты боевой до Аттики беспечной,
Аэды славились везде — Орфей, Алкей —
И лирой звонкою, и ловкостью мечей.

И пусть Гомер слепой к мечу не прикасался,
Он так сраженья пел, чтоб вечно раздавался
В грядущем отзвук их, чтоб мир вас не забыл
Вовеки, Одиссей, и Гектор, и Ахилл.
Герои, в свой черед, когда стихали битвы,
Спешили к музам вознести свои молитвы,
Ценили равно ловкий меч и ловкий слог,
И пальмовую ветвь, и лавровый венок.
Ахилл — среди других! И Лаэртид своими
Великомудрыми речами золотыми
Смягчал воинственные души; так Орфей
Игрой на лире приручал лесных зверей.

— Поздней, в других краях, суровых
и просторных,

У наших праотцев, у франков многоборных,
Трувер бесстрашный, исполняя долг святой,
Бок о бок с рыцарями шел на смертный бой,
И песнь Турольд слагал о короле великом,
Племяннике его, что пал в ущелье диком,
Турпене доблестном и Оливье прямом
В тирадах ярких, в ритме резком и живом,
Чтоб век спустя, среди усобицы и смуты
Вассалы-гордецы на краткие минуты
Вложили в ножны окровавленную сталь
И вспомнили о тех, кто видел Ронсеваль,
О тех, кто был убит в бою в стране скалистой,
О Шарлемане с бородою серебристой.

— Расторгнут в наши дни извечный тот союз
Деянья и мечты, властителей и муз,
И многие сочли приметой роковою
Разлад меж силой и возвышенной мечтою.

Та сила, что всегда поэты в удилах
Держали, тот скакун крылатый в небесах
Сияющих, теперь та сила — зверь кровавый,
Прыгучий и тупой, и жаждущий расправы,
Готовый ко всему: погромам, и резне,
И грабёжам по всей земле, в любой стране!
Деянье, что всегда настраивало лиры,
Теперь ты ставишь преступлениям кумиры,
Повсюду сеешь исступленье и раздор,
Деянье в наши дни, деянье — о позор! —
Ты ураган, ты шквал и смерч, ты зыбь морская,
Что, в глубине беззвездной ночи набухая
И опадая, отражает средь валов
Лишь молний перепляс в разрывах облаков.

— Но, выпренок нежны, там вдалеке, где дрязги
Дней наших не слышны, где слух не режут лязги
Штыков продажных, там, где взгляд не разберет,
Там, в вышине, поэты шествуют вперед
В одеждах белых и в лучах апофеоза,
И миру дольнему являет эта поза
Бесстрастность гордую, невинность, красоту
И погруженность в несказанную мечту.
Мир отвергает их пророческое слово.
Что ж! И они в ответ отвергли мир сурово,
Поскольку поняли, что не хотят мешать
Свой безупречный слог с тем, что людская рать
Кричит на площадях похабно и смятенно, —
И покоряются изгнанию вдохновенно.
Лишь красоте поэт отныне подчинен,
Лазурь — его штандарт, а идеал — закон!
Не стоит ни о чем его просить: виденье
Таинственных вещей в его зрачках свеченье

Оставило, теперь он больше ни на час
Не обратит своих замороженных глаз
На суету людей в их устремление пошлом,
Обыденной грызне; пускай в далеком прошлом
Являлся он среди народа своего
И плакал вместе с ним, и вдохновлял его
На битвы, прославлял республик окаянство,
Блеск воинских заслуг и царственное чванство,
Под звон кифары, арфы, лютни, иногда
Свой восхваляя век по праву, без стыда,
И роль священника играл, и роль пророка,
Вязал и разрешал, был судьей порока,
Смеялся и рыдал с народом заодно,
Рассудком проникал людской души на дно, —
Он больше не впадет в такие заблужденья.

— Ступай же, книга! В путь, по воле Провиденья!

MELANCHOLIA

Эрнесту Бутье

I ПОКОРНОСТЬ

В детстве Кохинур влек сердце мое,
Папства мощь и блеск, мечты о серале,
Гелиогабале и Сарданапале!

Золоченых крыш тонкое литье,
Густой аромат, напев неизвестный,
Без конца — гарем, вечный рай телесный!

Ныне я скромней, но еще горяч,
Только, зная жизнь и ее повадки,
Малость присмирел: теперь без оглядки,
Безумство свое не брошу я вскачь.

Пусть мне не сорвать великих удач,
Но к черту все сливки и к черту осадки!
Ненавистны мне красоток ухватки,
В рифме ассонанс и дружок-ловкач.

II
НИКОГДА ВОВЕКИ

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон неся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеянье.

Мы с нею шли вдвоем. Пленили нас мечты.
И были волоса у милой развиты, —
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный и взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признание лепетали!

III ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

Толкнув калитку, меж деревьев, озаренных
Рассветом, я прошел в простой и тихий сад:
Он солнцем утренним был бережно объят,
И блески влажные мерцали на бутонах.

Всё как тогда... Я вспоминал: уют сплетенных
Ветвей над головой, плетеных стульев ряд,
И бормотал фонтан, как много дней назад,
И вечный стон звучал все в тех же старых кронах.

Дрожали розы, как и прежде, поутру,
Как прежде, лилии качались на ветру,
Здесь даже ласточки и те — мои знакомки.

К Веледе царственной забытые следы
Вновь привели меня под сень листвы, в потемки...
О гипс облупленный средь пошлой резеды!

IV ОБЕТ

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли — и вот царит мороз
Тоски, усталости, и нет очарований.

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.

О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто, порой
Как мать, с улыбкою, вас тихо в лоб целует!

V
УСТАЛОСТЬ

A batallas de amor campo pluma.

Gongora

О нет, любимая, — будь нежной, нежной,
нежной!

Порыв горячечный смири и успокой.
Ведь и на ложе ласк любовница порой
Должна быть как сестра — отратно-безмятежной.

Стань томной; с ласкою дремотной и небрежной,
Размерь дыхание, взор сделай мирным твой.
Объятий бешеных дороже в час такой
Твой долгий поцелуй, хоть лжет он неизбежно.

Но в сердце золотом, ты шепчешь, у тебя
Страсть бродит рыжая, в призывный рог трубя;
Пусть, шлюха, подудит в томлении незрячем.

Твой лоб на мой склони, ладонь в ладонь вложи
И клятвы расточай (а завтра не сдержи),
Девчонка шалая, — и до зари проплачем!

VI

СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Мне душу странное измучило виденье,
Мне снится женщина, безвестна и мила,
Всегда одна и та ж и в вечном измененье,
О, как она меня глубоко поняла...

Всё, всё открыто ей... Обманы, подозренья,
И тайна сердца ей, лишь ей, увы! светла.
Чтоб освежить слезой мне влажный жар чела,
Она горячие рождает испаренья.

Брюнетка? русая? Не знаю, а волóс
Я ль не ласкал ее? А имя? В нем слилось
Со звучным нежное, цветущее с отцветшим;

Взор, как у статуи, и нем, и углублен,
И без вибрации спокоен, утомлен.
Такой бы голос шел к теням, от нас ушедшим...

VII ЖЕНЩИНЕ

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном.

Сложилась песня та
Во тьме моей тоски, безумно разрушительной.

Повадился ко мне, увы! кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, перед моей сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания —
О милая! — тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым
днем.

VIII ТОСКА

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
Что́ мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в Бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, Любовь, —
Давно бегу ее в презренье молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн,
Забывтый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.

ОФОРТЫ

I ПАРИЖСКИЙ НАБРОСОК

Под тупым углом цинком расстилать
Стали свет луны.
Дымные хвосты в виде цифры пять
С острых крыш вились, густы и черны.

В серых небесах ветер ледяной
Плакал, как фагот.
Где-то, притаясь, робкий и больной,
Странно и хрипя, промяукал кот.

Я бродил, и мне Фидий и Платон
Мнились в этот час,
Также Саламин, также Марафон,
И мигал во тьме синим глазом газ.

II НОЧНОЙ КОШМАР

Мне явился в кошмаре сонном —
Так несется тайфун по склонам —
С боевым мечом обнаженным
И клепсидрою роковой
Верховой

Из немецкой древней баллады,
И — его — через все преграды,
Через горы и водопады
По полям из конца в конец
Жеребец

Ало-пламенный, адски черный,
Без седла, без узды наборной,
Без хлыста седоку покорный,
Мчал, не оставляя следá,
В никуда!

Под полями шляпы широкой
То блеснет, то померкнет око;
Так внезапно во тьме глубокой
Извергает гибельный свет
Пистолет.

Верлен П.

В 33 Когда-то и недавно : стихотворения / Поль Верлен ; пер. с фр. И. Анненского, Е. Баевской, В. Брюсова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 400 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-23254-9

Поль Верлен (1844–1896) придумал термин «проклятые поэты» — так он обозначил талантливых отщепенцев, не способных и не желающих вести добропорядочную буржуазную жизнь. И сам он тоже был из их числа. Судьба ли вела Верлена путаными тропами, или он своевольно заставлял ее круто менять маршрут, но метаний на его долю выпало много: он то решал жениться и остепениться, то, бросив семью, пускался в странствие с юным Рембо, то пытался стать фермером, то сидел в тюрьме. Неизменным в его жизни оставалось лишь одно: он писал стихи — музыкальные, удивительные по силе воздействия, оказавшие огромное влияние на его современников и поэтов следующих поколений, в том числе и в России.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-5

Литературно-художественное издание

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

КОГДА-ТО И НЕДАВНО

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Маргарита Ахметова, Оксана Пирязева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.05.2023. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 16,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-PTR-32204-01-R